

Имагинативный ориентализм Германа Гессе

Екатерина Туманян, бакалавр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), emtumanyan@edu.hse.ru

Целью статьи является опровержение критики имагинативного ориентализма, которую Э. Саид проводит в своей книге «Ориентализм. Западные концепции Востока» (1978), при помощи повести «Сиддхартха» и романа «Игра в бисер» Германа Гессе (1877–1962). Назначением имагинативного ориентализма считается обслуживание доминирования Запада над эксплуатируемым Востоком. Однако оно не соответствует задачам творчества в указанных произведениях Г. Гессе: поискам решения экзистенциальных проблем западного человека постмодерна, переосмыслению сущности западной культуры. Новизна статьи заключается в указании на недифференцированный подход Э. Саида к разным видам дискурсов и в игнорировании им специфики дискурса в художественной литературе. Все это приводит к противоречию между оценкой имагинативного ориентализма в качестве «агента влияния империализма» и идеями Г. Гессе.

Ключевые слова: ориентализм, имагинативный ориентализм, Эдвард Саид, Герман Гессе, постколониализм, западные концепции Востока, ориентализм в литературе

Для цитирования: Туманян Е.М. Имагинативный ориентализм Германа Гессе // Метаморфозис. 2023. Т. 7. №3. С. 54-62.

Книга Эдварда Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» (1978) способствовала тому, что к концу XX века из лексикона социально-гуманитарного знания был практически исключен термин «ориентализм». Связано это было с тем, что в своей книге Саид критикует несколько подходов, которые формируют образ Востока и присущи ориентализму, рассмотренному в «гибридной перспективе»¹ – не только как академический, но и как имагинативный (от лат. *imago* – мысленный образ). Среди критикуемых подходов можно выделить следующие: стереотипизация и универсализация знаний о Востоке в рамках имеющейся эпистемологической парадигмы; взгляд на его жителей как на обезличенную бесхарактерную массу; опора преимущественно на письменные источники принципиальная

¹ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Миръ, 2006. С. 40.

незаинтересованность в реальности происходящего на Востоке; рассмотрение Востока исключительно с позиций прошлого величия, отсутствие внимания к его настоящему².

Консервация Востока в определенном положении, отказ рассматривать его в динамике неизбежно приводит к его неадекватной репрезентации. К этому же ведет и использование абстракций и обобщений, которое часто встречается в работах исследователей-востоковедов. Все это Саид называет одной из несущих стен ориентализма как явления. В рамках ориенталистской парадигмы «восточный человек» лишен индивидуальности. При попытке дать восточному человеку характеристику ему приписывается множество дополнительных предикатов, которое выступает как прямое следствие его происхождения³.

Важной особенностью всех перечисленных черт ориентализма является их обусловленность западной культурой. Ее носителям присуща убежденность в превосходстве западной рациональности, на которой основываются формы колониального правления в захваченных восточных государствах, в частности, в Египте и Индии. Саид отмечает, что вступление в ряды исследователей Востока неизбежно влечет за собой принятие классических ориенталистских установок, которые в дальнейшем используются в работе с опорой на общепринятый подход, полный ошибок и стереотипов⁴.

Одной из важнейших проблем, рассматриваемых в работе, является проблема «Свой–Чужой». Ввиду некоторых особенностей исторических взаимоотношений, географического положения и прочих причин Восток рассматривают как прямую противоположность Запада. Тем не менее такой подход, являющийся привычным для ориенталистов, оказывается серьезным камнем преткновения не только в рамках исследовательской работы, но, что более трагично, и в рамках действительных отношений между странами и культурами, которые ориентализм делит по географическому признаку, создавая между ними напряжение⁵. Традиционное противопоставление западной и восточной культур оказалось настолько прочным, что оказывает огромное влияние на весь ориенталистский дискурс, фактически определяя его направленность.

Смысл и целью ориентализма Саид называет теоретическое обоснование и практическое поддержание системы, в рамках которой возможно доминирование одной части мира над другой, эксплуатация и империали-

² Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006. 38, 45, 50, 54, 52, 60, 185, 323 и др.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 50–51, 56, 58, 68, 69.

⁵ Там же. С. 62, 63, 68, 71.

стическое подавление Востока в интересах Запада⁶. В его критических аргументах приводится много исторических фактов, с которыми трудно не согласиться. Но все же в его позиции есть слабые места. На одно из них указал Роберт Янг, выявивший внутреннюю противоречивость в том, что Саид считает ориентализм неадекватной репрезентацией Востока, существующей исключительно в западном сознании. Своим определением Саид фактически отрицает реальное существование Востока, а в книге критикует создателей искусственной концепции Востока, понимаемого как полярное Западу пространство и явление. Но если отсутствует объект репрезентации, как тогда можно говорить о том, что репрезентация ложна? На что опираться «правильному» востоковеду, если при любой попытке репрезентации он окажется «ориенталистом», не имея возможности добраться до истинной сущности предмета исследования и найти в ней образец объективности?⁷

Другим слабым местом саидовской критики является, на наш взгляд, недифференцированное отношение к разным видам дискурсов, отнесенных автором «Ориентализма» к исследуемому феномену, а именно, к ориентализму как корпусу текстов, стилю мышления, корпоративному институту, а также политической доктрине, говорящей об отношениях Востока и Запада⁸. Указывая на необходимость исследования ориентализма как формы дискурса, поскольку без такого исследования «невозможно понять исключительно систематичную дисциплину, при помощи которой европейская культура могла управлять Востоком – даже производить его – политически, социологически, идеологически, военным и научным образом и даже имагинативно в период после эпохи Просвещения»⁹, Саид, на самом деле, игнорирует специфику различных дискурсов, делая слишком общие заключения о функциях некоего мегадискурса «вообще».

Однако хорошо известно, что дискурсы в разных практиках решают разные задачи и подчиняются разным правилам, ограничивают сами себя и самостоятельно задают правила собственной системы. Дискурс в истории или в математике отличается от дискурса в художественной литературе. Саид же в своей работе не исследует те специальные задачи, которые решают разные виды ориенталистских дискурсов, и заостряет свое внимание лишь на том огромном влиянии, которое они, по его мнению, оказывают на отношения между Западом как эксплуататором и Востоком как эксплуатируемым.

В своем исследовании мы попытаемся восстановить справедливость и показать позитивную функцию имагинативного ориентализма, так неспра-

⁶ Там же. С. 67, 190.

⁷ Young R. *White Mythologies: Writing History and the West*. London: Routledge, 1990. P. 130–138.

⁸ Саид Э.В. Указ. соч. С. 9–10.

⁹ Там же. С. 10.

ведливо отнесенного Саидом к «агентам влияния» империализма.

Современные исследователи отмечают, что при всех своих методологических несовершенствах, ориентализм был одним из способов самоопределения и самопонимания Запада в эпоху модерна – определения себя через сопоставление с Другим, архетипически изображаемым как противоположность, *alter-ego*¹⁰. Начало эпохи модерна было связано со становлением буржуазной культуры на Западе, сопровождаемым поисками опоры за пределами традиционного мира западной культуры. Эти поиски и породили фантазийный Восток, ставший предметом имажинативного ориентализма. С учетом высказывания автора «Ориентализма», различающего академический и имажинативный ориентализм¹¹, следует напомнить, что к последнему виду относится образ Востока, создаваемый на протяжении веков деятелями западного искусства. Будучи областью грез и фантазий, Восток начал вдохновлять литераторов-мистиков и любителей использовать экзотические сюжеты и элементы в своем творчестве. Одним из таких литераторов является Герман Гессе, посвятивший Востоку несколько своих работ, среди которых можно выделить наиболее знаменитую повесть «Сиддхартха» (1922)¹² и роман «Игра в бисер» (1943)¹³, литературно продолжающий повесть «Паломничество в Страну Востока» (1932).

Деятельность воображения, направленная на представление и репрезентацию Востока в рамках художественного творчества, Эдвард Саид называет имажинативной практикой¹⁴ и различает в ней следующие подвиды: лингвистические, временные, пространственные, поэтические и т.д. Задача имажинативных практик, как замечает Саид, заключается не в том, чтобы создать репрезентацию Востока самого по себе, а в том, чтобы репрезентировать Восток для западного человека¹⁵, обслуживать его интересы.

Обращаясь к восточным мотивам, Г. Гессе применяет множество упомянутых Саидом имажинативных практик. Во-первых, это временная практика: события повести «Сиддхартха» происходят в романтическом «прошлом» Индии, согласно датировкам буддологов, имевшим место в V веке до нашей эры. Во-вторых, это пространственная практика, играющая также романтическую роль: одна из главных характеристик Востока – его отдаленность – априорно наделяет его чертами неизвестности и загадочности,

¹⁰ Говорунов А.В., Кузьменко О.П. Ориентализм и право говорить за другого // Международный журнал исследований культуры. 2013. №. 2 (11). С. 26–43.

¹¹ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006. С. 40.

¹² Иногда произведение называют романом-притчей – <https://w.wiki/6cSX>

¹³ Гессе Г. Игра в бисер // Собрание сочинений: в 4-х т. / Пер. с нем. С. К. Апта. СПб.: Северо-Запад, 1994. Т. 4.

¹⁴ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. С. 37.

¹⁵ Там же. С. 96.

что, в свою очередь, поддерживает мистическую атмосферу экзотической духовности. Также писатель использует лингвистические, поэтические и психологические практики – особый стиль языка повествования, которым пользуется Гессе, отражающий оригинальность и причудливость неизвестного и такого далекого (во времени и пространстве) Востока.

Картина, создаваемая таким образом, оказывается необычайно притягательной в своей искусственной эстетике; её задача является не только художественной, но и психологически-рекреативной. Роль художника не ограничивается простой репрезентацией объекта, его цель – придание созданному образу ярких и запоминающихся черт, способных сильнейшим образом оживить воображение читателя, передать ему переживания автора. У Г. Гессе, как и у других ориенталистских литераторов, Восток выступает не столько как локация, сколько как полноценный художественный мир, заранее наполненный уже знакомыми читателю образами и клише.

Психологическое воздействие художественных репрезентаций Востока на читателя можно заметить в нескольких направлениях. Во-первых, оно связано с сюжетом духовного поиска, выхода из тесного лабиринта, в котором чувствует себя запертым западный человек, с прорывом к новой, ранее неизведанной духовности. Именно этому посвящен весь сюжет «Сиддхартхи». Во-вторых, Восток традиционно ассоциируется с пристанищем для вечных путников, отвергнутых «своими» и сбежавшими к «чужим» или добровольно покинувшими дом. В качестве такого путника выступает и главный герой рассматриваемого здесь романа – юный брахман Сиддхартха, который нигде не находит себе места. В-третьих, в ориенталистских произведениях всегда присутствует мотив а-историчности, вечной неизменности Востока, его размеренного, спокойного ритма жизни, к которому стремится западный читатель. В романе этот мотив много раз повторяется в образе красивой реки, которая учит всему¹⁶: однажды ушедшего из общины аскетов Сиддхартху перевез через реку лодочник Васудева¹⁷, живущий на ее берегу в соломенной хижине¹⁸; в другой раз Сиддхартха, пережив превращение в стяжателя в процессе городской жизни, вернулся к реке, чтобы начать новую жизнь в хижине перевозчика; сюда пришла к Сиддхартхе куртизанка Камала и привела с собой его сына; здесь Сиддхартха перешел в нирвану и слился со своим *alter-ego* – Гаутамай, Возвышенным¹⁹.

Гессе возмущала исключительно деятельная направленность духа его

¹⁶ Гессе Г. Сиддхартха // Собрание сочинений: в 4-х т. / Пер. с нем. С. К. Апта. СПб.: Северо-Запад, 1994. Т. 1. С. 397.

¹⁷ Санскр. «Добрый бог», одно из имен Кришны – воплощения бога Вишну.

¹⁸ Гессе Г. Сиддхартха // Собрание сочинений: в 4-х т. / Пер. с нем. С. К. Апта. СПб.: Северо-Запад, 1994. Т. 1. С. 357.

¹⁹ Там же. С. 393, 401, 431.

современников²⁰. Однако сам Гессе, лично предпочитая созерцательный образ жизни, в своих произведениях не предпочитал деятельности созерцание: признавая равноценность двух названных форм жизни, он воспринимал их в качестве дополняющих друг друга²¹. Западному пониманию диалектики бытия как борьбы взаимоисключающих противоположностей, определяющей динамику жизни, Гессе предлагает по сути восточное мировоззрение, в котором одно, противопоставленное другому, тем не менее им не исключается. Возвышенное и духовное существует одновременно с грубым и телесным, но между этими категориями не существует взаимотрицания, они пребывают в гармонии и единстве. Культурное существует наравне с естественным.

В «Игре в бисер» Г. Гессе развивает тему не-западного понимания культуры. Он превозносит игру как наиболее совершенный идеал культуры, свободный от лицемерия, открытый и доступный. В игре писатель находит честную замену давно лишенной всякой искренности культурной парадигме, в которой вынужден был жить, и крах которой наблюдал в середине XX века. Серьезности и строгой формальности современного ему общества, подчиненного зачастую скрытым правилам, писатель противопоставляет систему правил игры, которые очевидны каждому, вступающему в нее. Итогом такой игры должно стать осознание игроком того, что не он должен существовать для правил, но правила – для него; выход из игры означает освобождение от этих правил и обретение свободы. В своих ориенталистских творениях Гессе призывает западного человека распрощаться с прошлым и освободиться от культурного балласта, веками ограничивавшего его. Культура должна быть не более чем орудием – все, что в действительности имеет значение – это человек²².

Отвергнув культуру, указав на нее как на неживое застывшее орудие, которое не может превозноситься над человеком и ограничивать его свободу, Гессе находит истинную область свободы не в рукотворном, но в символическом²³. При этом писатель не стремится уничтожить культуру, но ищет баланс между культурным и природным. Попытки избавиться от инстинкта посредством культурных изобретений представляются ему вредными, противоречащими самой природе человека, калечащими его. Гессе выступает за равноправный синтез двух энергий – духовной и материальной – в гармонии которых он видит истинную свободу. На пути обретения духовной свободы, стремясь уйти от «правил» игры к универсальным культурным

²⁰ Аверинцев С. Путь Германа Гессе / Гессе Г. Избранное. М.: Художественная литература, 1977. С. 3–26.

²¹ Рожкова Н.В. Социоантропологические взгляды Г. Гессе // Ученые записки Орловского государственного университета. 2011. № 1. С. 74–82.

²² Там же. С. 81.

²³ Там же. С. 80.

образцам – врожденным символам, знакомым и понятным каждому человеку – Гессе ищет «вечные прототипы»²⁴. Поиски сопровождается процесс бесконечной субъективизации, отхода от привычных стереотипов, стремление увидеть в каждом объекте и сущности символы, объединяющие его с другими объектами и преобразовывающие его в вечный прототип.

Именно такая модель «духовного поиска» представлена в романе «Сиддхартха». Всеми любимый сын брахмана Сиддхартха отверг мудрость брахманов, осознав, что она не сделала счастливыми даже самых преданных ее практиков, не освободила их от необходимости «смывать грехи» каждый день²⁵. Также он отверг и мудрость искусных в медитации саманов²⁶, и мирскую мудрость куртизанки Камалы и купца Камасвами²⁷, поняв, что такая жизнь «наполнила его горечью и пресыщением». Поэтому он снова вернулся к реке и нашел себя в Других, образы которых принесла ему река: в отце, в своем сыне, в Камале и в проповеднике Гаутаме, разлучившем его с другом Говиндой и подарившем Сиддхартхе его самого²⁸.

Безусловно, репрезентация Востока в одном-двух произведениях Германа Гессе не реабилитирует всю литературу ориенталистского толка, однако она позволяет не согласиться с безапелляционной критикой имажинативного ориентализма, с его обвинением в обслуживании «понимающего контроля» Запада над Востоком и с объявлением его «агентом влияния» империализма. Мы видим в книгах Г. Гессе, что создаваемый им образ Востока призван, в первую очередь, помочь человеку Запада через сопоставление себя с Другим при решении собственных экзистенциальных проблем. Хотя писатель изображает Восток в соответствии со всеми негласными правилами имажинативного ориентализма (застывшим во времени, далеким и романтическим), его цель далека от эксплуататорской. «Другой» Гессе не оказывается «Чужим», он является помощником в обретении самости человеком постмодерна, не отрицающего «Я», но и не исключającego собственной инаковости; этот Другой – дополнение, а не противоположность.

У имажинативного ориентализма есть и еще одно достоинство: появление «восточного» романа открыло дорогу к диалогу Запада с Востоком – уже не выдуманным, но существующим в реальности. Стараясь говорить от лица Востока и опираясь на его подлинные культурные реалии (историю, мировоззрения, языки), талантливые писатели, среди которых был и Г. Гессе, позволили Востоку доказать свое существование как динамичного, самобытного культурного субъекта и развеять стереотипы о пассивности и

²⁴ Там же. С. 79.

²⁵ Гессе Г. Сиддхартха // Собрание сочинений: в 4-х т. / Пер. с нем. С. К. Апта. СПб.: Северо-Запад, 1994. Т. 1. С. 328.

²⁶ Там же. С. 340.

²⁷ Там же. С. 382.

²⁸ Там же. С. 418.

неизменности культур, отличных от западной.

Литература

Аверинцев С. Путь Германа Гессе / Гессе Г. Избранное. М.: Художественная литература, 1977. С. 3–26.

Гессе Г. Сиддхартха // Собрание сочинений: в 4-х т. / Пер. с нем. С. К. Апта. СПб.: Северо-Запад, 1994. Т. 1.

Гессе Г. Игра в бисер // Собрание сочинений: в 4-х т. / Пер. с нем. С. К. Апта. СПб.: Северо-Запад, 1994. Т. 4.

Говорунов А.В., Кузьменко О.П. Ориентализм и право говорить за другого // Международный журнал исследований культуры. 2013. №. 2 (11). С. 26–43.

Рожкова Н.В. Социоантропологические взгляды Г. Гессе // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 74–82.

Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006.

References

Averintsev S. Put' Germana Gesse [The Path of Herman Hesse] in Hesse H. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura publ., 1977. P. 3-26 (in Russian).

Govorunov A.V., Kuz'menko O.P. Orientalism i pravo govorit' za drugogo [Orientalism and the right to speak for another]. *Mezhdunarodniy zhurnal issledovaniy kultury*. 2013. N. 2 (11). P. 26-43 (in Russian).

Hesse H. *Siddhartha* [Siddhartha] in *Sobranie sochineniy v 4 t.* [Works in 4 vols.], transl. from germ. by S. K. Apt. Vol. 1. Saint Petersburg: Severo-zapad publ., 1994 (in Russian).

Hesse H. *Igra v biser* [Game of beads] in *Sobranie sochineniy v 4 t.* [Works in 4 vols.], transl. from germ. by S. K. Apt. Vol. 4. Saint Petersburg: Severo-zapad publ., 1994 (in Russian).

Rozhrova N.V. Socioantropologicheskie vzglyady G. Gesse [Socioanthropological views of H. Hesse]. *Uchenie zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria "Gumanitarnie i social'nie nauki"*. 2011. N.1 P. 74-82 (in Russian).

Said E.V. *Orientalism. Zapadnie koncepcii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East]. Saint Petersburg: Russkiy Mir publ., 2006 (in Russian).

Young R. *White Mythologies: Writing History and the West*. London: Routledge, 1990.

Imaginative Orientalism of Hermann Hesse

Ekaterina Tumanyan, bachelor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), emtumanyan@edu.hse.ru

The purpose of the paper is refutation of the criticism of imaginative orientalism in E. Said’s book *Orientalism* Western Concepts of the East (1978) by the analysis of the novella *Siddhartha* and the novel *The Glass Bead Game* by Hermann Hesse (1877–1962). The purpose of imaginative orientalism was declared to serve the dominance of the West over the exploited East. But it does not correspond to the tasks of creativity in the works of H. Hesse: the search for solutions to the existential problems of postmodern Westerners, rethinking the essence of Western culture. The novelty of the article lies in the indication of E. Said’s undifferentiated attitude to different types of discourses and in his ignoring of the specifics of discourse in fiction. As a result, there is a contradiction between the assessment of imaginative orientalism as an “agent of the influence of imperialism” and the ideas of H. Hesse’s creativity.

Keywords: orientalism, imaginative orientalism, Edward Said, Hermann Hesse, postcolonialism, Western conceptions of the East, orientalism in literature

For citation: Tumanyan E.M. (2023) Imaginative Orientalism of Hermann Hesse // *Metamorphosis*. Vol. 7. N. 3. P. 54–62.